

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения и автоаннотации)

II

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

ЯЗЫК ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ
РАЗНОВИДНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНО-ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА В
ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Один из первых исследователей деловых (юридических, хозяйственных, дипломатических и пр.) документов из древнеуйгурского государства Кочо В. В. Радлов, характеризуя язык документов, писал: "Мы вправе, таким образом, предполагать, что в письменных документах, собранных профессором Гринвеллем, перед нами представлены пласты турфанской письменности в пределах более четырех столетий, в течение которых язык тамошних турков постепенно изменялся и все более сближался с среднеазиатскими диалектами, что мы можем наблюдать по заметным следам в языке документов, в то время как архаические формы и слова вплоть до последнего времени /в нем/ все еще преобладают"¹ ... "Как мы видели выше, пласты письменности нескольких столетий скорее доказывают, что ее язык постепенно изменялся и все более сближался с языком /населения/ Средней Азии, пока не превратился в конечном итоге в язык нынешних жителей Восточного Туркестана"².

С тех пор как были написаны эти слова, изучению древнеуйгурских документов из Восточного Туркестана было посвящено немало других работ, но в них внимание уделялось главным образом насущным, первостепенной важности задачам адекватной дешифровки текстов и истолкования терминов; вопрос же о сфере употребления и функции языка, зафиксированного в деловых документах, оставался в стороне.

Наблюдения В. В. Радлова показывают, что язык деловых документов по некоторым признакам противопоставлен классическому литературно-письменному языку и в то же время по ряду других признаков, напротив, он сближается с литературно-письменным языком и противопоставлен народно-разговорному языку³, отражая как бы этапы перехода из одного состояния в другое.

Но как и всякое языковое развитие этот переход не есть прямой процесс, исходным моментом в котором выступает литературно-письменный язык как некий застывший, раз навсегда заданный феномен, а завершающим этапом — "современный язык /населения/ Восточного Туркестана". Факты, представленные в языке

деловых документов свидетельствуют о сложности создавшейся в древнеуйгурском обществе языковой ситуации, а именно о том, что в древнеуйгурском обществе имело место литературное и устное двуязычие (диглоссия). Положение осложнялось еще и тем, что литературно-письменный язык сам по себе не был однородным. С одной стороны, он был представлен "высоким" языком религиозной и художественной литературы, оторванным от повседневной речи и конкретного быта в силу своей социальной функции, осуществляемой с помощью разработанной образно-поэтической и понятийной системы и системы литературных шаблонов и трафаретов.

С другой стороны, наряду с литературно-письменным языком "высокой литературы" складывался особый стиль языка деловых документов, который не мог быть идентичным литературно-письменному стилю в вышеуказанном смысле слова ввиду несовместимости функций этих двух языковых стилей. В отличие от языка "высокой литературы", предметом (сюжетом) деловых документов являлись обиденные ситуации, и в силу этого по своей понятийной структуре язык деловых документов сближался с повседневной речью.

Сближение стиля деловых документов с разговорной речью не носило характера последовательного "механического" заимствования форм и слов из одного типа языка в другой. Оно базируется на терминологической перестройке словаря и приводит в конечном итоге к изменению семантической структуры языка. Свидетельством тому служат лексические единицы в языке документов, терминологическое значение которых находится в отношениях дополнительной дистрибуции с их общеязыковым значением. Ср.:

Лексема	Общеязыковое значение	Терминологическое значение
äöz	'слово'	'сообщение'
satıŋ	'торговля'	'продажная цена товара'
tilä-	'хотеть, желать'	'ходатайствовать о получении (приобретении) чего-л.'
ber	'давать'	'предоставлять'
avıŋ	'польза'	'процент (долговой)'

и мн.др.

Отчетливо прослеживаемое единообразие в использовании терминов, формул и прочих приемов оформления документов говорит о

существовании длительной традиции в создании правового и дипломатического стиля литературного языка, представленные же в нем черты народной разговорной речи при адекватном истолковании могут служить одним из надежных источников для установления путей развития литературно-письменного и народного языков в их взаимодействии.

Сопоставление данных разностильных письменных памятников показывает, что в разные моменты развития литературный язык противопоставлялся народно-разговорному по разным признакам, что свидетельствует о смене ситуаций.

-
- I W.Radloff, *Uigurische Sprachdenkmäler*, Leningrad, 1928, с.69.
  - 2 Ук.соч., с.73.
  - 3 Ук.соч., с.68-76.

И.И.Цукерман

GEŪAN ИЛИ KŪŪAN ?

(к вопросу о возникновении окказиональных форм)

М.Б.Руденко принадлежит заслуга обнаружения в языке средневековой курдской литературы на севернокурдском наречии (курманджи) второго (наряду с *ûm* 'быть', 'становиться') глагола со значением 'становиться, делаться'. В двух статьях, посвященных этому наблюдению^I, автор на многочисленных примерах вполне убедительно показывает, что в значении становления - правда, только в формах простого прошедшего времени - употребляется глагол, передаваемый в арабской графике *كریان*. Указывая на то, что для передачи фонемы /g/ в рукописях употребляется тот же знак *ک* (без "саркеша"), что и для фонемы /k/, автор - по-видимому, без всяких колебаний - предлагает в исследуемых формах видеть курдский глагол *geŭan* 'ходить, бродить, гулять, искать', который в данных текстах - по аналогии с персидским *گردیدن* - омонимически обозначает также 'становиться, делаться'.

В этом пункте и возникает наше сомнение, основанное на возможности принципиально иного чтения, находящего для себя почву